

бей⁷, а летом 1400 г. правителем становится Сулейман Челеби⁸, которого Иоганн Шильтбергер, попавший в плен к османцам после разгрома крестоносной рати у Никополя (25 сентября 1396), именует старшим сыном султана Баязида⁹, косвенно подтверждая, что к этому времени Эртогрула уже не было в живых.

Связь экономики и политики в середине века наглядно показана в статье «Цены на зерно и хлебные рынки Романии (1343—1405)» (№ 9), где прослеживается динамика цен на зерно на рынках Крита, Константинополя, Перы, Палатты, Килии и Каффы. Из подсчетов Э. Захариаду явствует, что до начала 40-х годов XIV в. цены были относительно стабильными. Их первый скачок произошел в 1343 г., т. е. — и автор это особо подчеркивает — еще за четыре года до начала «черной смерти». Резкое повышение цен явилось результатом событий 1343 г. в Тане (изгнание венецианских и генуэзских купцов Джанибеком), а также следствием кризиса в отношениях Венеции с эмиратом Айдын (обострение отношений в 1341 г. привело в 1344 г. к организации крестового похода против айдынцев и захвату крестоносцами Смирны). Высокие цены на зерно продолжали сохраняться до 1347 г.; в дальнейшем тенденция к их повышению несколько ослабла. Новый скачок был зарегистрирован в последнее десятилетие XIV в. Причиной необычайной дороговизны (цены свободного рынка в эти годы примерно вдвое превышали максимальные цены периода кризиса 40-х годов) была, по мнению автора, политика Баязида I (султанское эмбарго на вывоз зерна за пределы империи, действовавшее с 1390 по 1402 г.), а также захват Таны Тимуром в 1395 г. (№ 9, с. 299).

Один из выводов, к которым в результате своего исследования приходит Э. Захариаду, заключается в том, что как цены, так и условия торговли на зерновых рынках турецких эмиратов За-

падной Малой Азии для венецианцев были гораздо более выгодны, чем на рынках Северного Причерноморья. Такое положение историк объясняет слабостью эмиратов, находившихся под постоянной угрозой со стороны Османской державы и поэтому вынужденных идти на уступки Венеции (№ 9, с. 300).

В работе «Завоевание Адрианополя турками» (№ 12) исследовательница привлекает внимание к «Панегирику Иоанну V Палеологу», поэме, написанной Иоанном Катакалоном по заказу адрианопольского митрополита Поликарпа, по всей видимости, незадолго до рождества 1366 г. Анализ этого сочинения позволил Э. Захариаду предположить, что Адрианополь все еще оставался тогда византийским городом.

Заканчивает сборник серия статей, в которых исследуются османские документы из архивов монастыря св. Иоанна Продрома в Серрах (№ 15), монастыря Дионисиат на Афоне (№ 16) и монастыря Иоанна Богослова на о-ве Патмос (№ 17). Архивные материалы, опубликованные Э. Захариаду, представляют большой интерес для изучения монастырской собственности, а также политики османских султанов в отношении христианских подданных. Кроме того, самый ранний из опубликованных документов, а именно указ (хюкм) Мурада I 774/1372—73 гг. о привилегиях, пожалованных монастырю св. Иоанна Продрома (№ 15, с. 2—3), важен и с точки зрения правильной оценки роли османских султанов в начальный период турецкого завоевания Балкан¹⁰.

Подводя итоги, следует отметить тематическое разнообразие и новаторский характер работы Э. Захариаду. В представленном сборнике достаточно полно отражена чрезвычайно сложная, бурная, насыщенная событиями всемирно-исторического значения эпоха — эпоха крушения Византии и образования Османской империи.

К. А. Жуков

⁷ Zachariadou E. A. Trade and Crusade... P. 80.

⁸ Noiret H. Documents inédits pour servir à l'histoire de la domination vénitienne en Crète de 1380 à 1485. P., 1892. P. 110—111.

⁹ Schiltberger J. Reisen in Europa, Asia und Africa von 1394 bis 1427 / Hrsg. von K. F. Neumann. München, 1859. S. 63.

¹⁰ На это обстоятельство обратил внимание, в частности, В. Бошков, отметивший, что уже со времен Орхана (1324—1362) османские султаны играли ведущую роль в завоевании полуострова и занимали главенствующее положение среди турецких беев на Балканах. См.: Boškov V. Jedan originalan nišan Murata I iz 1386. godine u manastiru (Svetog Pavla na Svetoj Gori // Prilozi za Orijentalnu Filologiju. Sarajevo, 1977 (1), 1979. 27. S. 241—243.

Жоффруа де Виллардуэн. Взятие Константинополя. Песни труверов. М., 1984. 319 с.

Уже при ознакомлении с книгой обращает на себя внимание издательская аннотация, в которой мемуары Жоффруа де Виллардуэна рекомендуются читателю как один «из первых памятников художественной (курсив наш. — М. З.) прозы средневековой французской литературы». Это определение, собственно, представляет собой вариант даваемого переводчицей О. Смолицкой в ее вводной статье «Памятник средневековой худо-

жественной словесности» (с. 25) и неверно по существу, ибо мемуары «маршала Романии и Шампани», как называет себя сам хронист (§ 325), — историческое произведение, а не беллетристика. По уверению автора, он «не солгал... ни слова, ибо был на всех советах» (§ 120). Иначе говоря, в отличие от аналогичных по тематике записок другого участника Четвертого крестового похода, Робера де Клари, действительно несущих на себе

в какой-то мере отпечаток его богатого и пылкого воображения, труд Жоффруа де Виллардуэна полностью свободен от всякого налета художественного вымысла. Причислять его к «художественной словесности» было бы столь же неправомерно, как, например, включать в категорию «поэзия» наряду с песнями труверов рифмованную хронику Третьего крестового похода, написанную (ок. 1195 г.) нормандским жонглером-историком Амбруазом из Эвре, сопровождавшим на Восток Ричарда Львиное Сердце. Ближе к истине автор Предисловия к рецензируемому изданию и его ответственный редактор А. Д. Михайлов, который относит хронике Жоффруа де Виллардуэна к «документальным материалам» (с. 9), хотя и с оговоркой, что вместе с тем она является собой «один из памятников французской прозы» (там же). Это определение, правда, тоже неточно, ибо труд, о котором идет речь, — типичный нарративный исторический памятник, жанр которого — хроника, пусть она и включает местами какие-то документальные элементы. Во всяком случае, дефиниция «художественная» (проза) здесь опущена — и вполне обоснованно, поскольку, повторяем, сочинение хрониста не роман, не эпическое творение, а подлинная история, далекая от «художественной словесности».

Невольно возникает вопрос: что же в таком случае побудило создателей книги¹ соединить под одной обложкой столь разнородные сочинения — сугубо «деловую», фактологичную, прозаическую хроникю о походе рыцарей против Византии, «возможно» (? — М. З.), самом поворном из всех походов на Палестину» (? — М. З.), по небрежной формулировке автора Предисловия (с. 9), с исполненными лиризма песнями северофранцузских труверов, вдохновлявшихся крестоносными войнами в течение целого столетия (середина XII—середина XIII в.)? В самом деле, ведь в книге помещены не только две песни труверов времени Четвертого похода (1202—1204 гг.) (с. 223—226), хотя таких кансон сохранилось много больше, но и стихотворные тексты, восходящие ко Второму, Третьему, Пятому, Седьмому походам!

В основе замысла, судя по Предисловию, лежало стремление «дать связный рассказ очевидца об одном из самых известных крестовых походов и на его фоне — и в хронике и в песнях — раскрыть мысли и переживания человека *той эпохи* (курсив наш. — М. З.), а также показать широкое отражение крестовых походов в художественной литературе средневековой Франции» (с. 10). Сама по

себе постановка такого рода задачи могла бы иметь под собой оправдание, если бы речь шла, во-первых, о выявлении «мыслей и переживаний» не абстрактного, а социального «человека эпохи», но принадлежавшего к определенному общественному классу или слою, в данном случае — феодальному рыцарству: во-вторых, если бы преследовалась цель охарактеризовать менталитет этой социальной группы в рамках действительно одного и того же периода, в данном случае — начала XIII в. К сожалению, ни одно из этих условий не соблюдено, и потому медиевисту с самого начала очевидна искусственность всего проекта рецензируемой работы.

Гораздо хуже, быть может, другое обстоятельство: проект этот по самой *своей сути* анахронистичен, а в идеологическом смысле, мягко говоря, несостоятелен.

В самом деле, исходным пунктом его служит одностороннее и ложное в своей основе представление о некоей «эпохе крестовых походов» как особой фазе в развитии Европы и ее культуры, выдвинутое около сотни лет тому назад французскими буржуазно-либеральными историками Э. Лависсом и А. Рамбо, из которых, по крайней мере, последний выступал сторонником активной колониальной политики Франции². Именно их авторитет почему-то оказывается непререкаемым для А. Д. Михайлова (Предисловие. С. 3 и сл.), почти безоговорочно принимающего предложенное ими неисторичное понятие и отталкивающегося от него в своих концептуальных построениях. В соответствии с ними «эпоха крестовых походов» якобы была «рубежом в истории Европы» (с. 3—4) и одним из факторов развития ее культуры (с. 4). Столь позитивная оценка агрессивных войн западного рыцарства против арабов, греков, турецких и других народов Востока совершенно не вяжется с концепцией, сложившейся в марксистско-ленинской исторической науке, которая хотя и признает большое влияние мусульманского и греко-православного миров на западную культуру, но отнюдь не считает крестовые походы ни особо значимой исторической вехой, ни тем более скольнибудь широким каналом этого влияния. От некоторых довольно туманных рассуждений автора Предисловия на этот счет отдает порой прямо какой-то мистикой: «Возможно, — гадают он, — походы были даже неизбежны, так как в них нашла выход та энергия (sic! — М. З.), которая неизбежно же возникала в „созревающем“ (sic! — М. З.) феодальном

¹ Переводчики — О. Смолицкая и А. Парин. Первая, кроме того, — автор предпосланной переводом статьи «Куртуазная литература крестоносцев», к каковой, по какому-то недоразумению, отнесена и «средневековая историография Четвертого крестового похода» (с. 24) (рассуждениям о ней отведена примерно третья часть статьи — с. 23—32). Переводчице же принадлежит краткая заметка «О переводе личных имен и географических названий» (точнее было бы сказать, об их русской транскрипции. — М. З.) в хронике. . .» (с. 301—304) и весь комментарий (с. 254—300).

² Ссылаясь на них, автор Предисловия, надо полагать, имел в виду второй том «Всеобщей истории» под ред. Э. Лависса и А. Рамбо, озаглавленный «Эпоха крестовых походов» и дважды опубликованный в русском переводе — в 1897 и в 1914 гг.

обществе» (с. 4). Зачем такие совершенно не соотносящиеся с диалектико-материалистическим пониманием прошлого псевдоглубокомысленные гипотезы («возможно»)? Что это за таинственная «энергия»? Почему она возникала в еще только будто бы «созревающем» феодальном обществе? Разве к концу XI в., а тем более в XII—XIII вв. оно еще не вполне «созрело»? Ведь это же был, как известно любому шестикласснику, период «классического феодализма»! Совершенно неправилен и не соотносится с только что приведенным развиваемым далее в Предисловии тезис, согласно которому «в эпоху крестовых походов европейское общество перешло от средневековья раннего к средневековью зрелому» (с. 4). В действительности переход этот произошел в основном задолго до начала крестовых походов — около середины XI в.

Что касается европейской культуры, то марксистско-ленинская наука вообще отказывается видеть в рыцарской экспансии против стран Восточного Средиземноморья и Северной Африки в XI—XIII вв., осуществлявшейся под знаменами католицизма, пружину культурного роста на Западе. Примечательно, что из библиотек, которые существовали в городах Восточного Средиземноморья и чудом уцелели от рук невежественных крестоносцев, завоевавших эту территорию, до нас дошло всего 27 рукописей! Библиотека в Триполи, например, после захвата города «рыцарями Христовыми» была сожжена дотла: фанатики-завоеватели обнаружили в ней рукописи... Корана!

Сам автор Предисловия впадает в противоречие с собственной концепцией относительно позитивной роли крестовых походов в культурной эволюции Западной Европы, говоря, что память о них «не была долговечной» (с. 4). Впрочем, и эта констатация, заметим в скобках, не соответствует истине. Ссылка на Боккаччо и Петрарку, для которых, мол, крестовые походы «уже не представляли интереса», неубедительна. Хранителями исторической памяти об этих предприятиях были зато другие итальянские (и не только итальянские!) гуманисты XIV—XV вв. — Флавио Бьондо, Бартоломео Платина, Паоло Эмилий, Бенедетто Аккольти...³

Нет нужды останавливаться на прочих несообразностях в трактовке вопроса о воздействии крестовых походов на Ев-

ропу: они-де «вносили некоторое умиротворение» в христианский мир (с. 4), приобщали «западного читателя, жадного до всяких баснословий, к пленительному миру восточной словесности» (с. 5) и т. п. Интересно было бы уточнить, кого же они приобщали к этому «пленительному миру» — клириков, которые почти только одни и умели читать (по-латыни!) на Западе? Полуграмотных рыцарей, тонкий слой которых, видимо, с точки зрения автора Предисловия, представлял «западного читателя», способного приобщиться к арабской и византийской литературе? Еще более узкую категорию университетских студийусов (с XIII в.)?

Итак, перед нами — анахронистичная и ошибочная в существе своем концепция, превращающая многовековую, окончившуюся крахом феодально-рыцарскую экспансию на Восток в эпохообразующий фактор европейской истории и движущую силу развития западной культуры.

Та же анахронистичность свойственна и самому переводу мемуаров Жоффруа де Виллардуэна. Он выполнен по архаичному французскому изданию Наталиса де Вайи, увидевшему свет... в 1874 г. Как уверяет О. Смолицкая, оно остается «и по сей день одним из самых авторитетных» (с. 254—255). Отчего же тогда, спрашивается, все новейшие иноязычные переводы хроники и все исследование о ней опираются на более позднее, считающееся образцовым издание Э. Фаралля (1938—1939 гг.)⁴, чьи «публикации» (? — М. З.), по словам переводчицы, ею были использованы (с. 255)? Обращение, как правило, к заведомо устаревшим трудам⁵ (вплоть до издания Ж. Дюканжа — 1657 г., с. 255) и игнорирование большинства современных зарубежных исследований о хронике Жоффруа де Виллардуэна (советских она и вовсе не знает!), в том числе книг и статей Л. Хартмана, Ж. Ларма, Дж. Морриса, Э. Мак Нила, Дж. Бир и др., сказывающееся, в частности, во вводной статье⁶, не делают чести ни автору статьи, ни ответственному редактору книги.

Для полноты оценки их труда отметим еще одно обстоятельство. Дважды — в издательской аннотации и на обороте обложки — говорится, что «хроника Жоффруа де Виллардуэна и большинство песен труверов на русский язык переводятся впервые». В действительности довольно крупные фрагменты этой хроники переводились на русский язык уже

³ См. подробно: Заборов М. А. Историография крестовых походов: Литература XV—XIX вв. М., 1971. С. 22 и сл.

⁴ Достаточно привести в качестве примеров труды американского специалиста Дж. А. Брандэйджа (*Brundage J. A. The Crusades: A documentary survey. Milwaukee, 1962*), болгарских ученых Вс. Николаева (Хрониката на Жоффруа дьо Виллардуен: Завладяването на Цариград. София, 1947) и Б. Примова (Жоффруа дьо Виллардуен, Четвъртият кръстоносен поход и България. София, 1949), чешского знатока этой темы Веры Гроховой (*Křižové výpravy v světle soudobých kronik. Praha, 1982*), не говоря уже об известных О. Смолицкой работах французских историков Ж. Дюфурне и Ж. Лоньона.

⁵ К слову сказать, сам подход к хронике как к памятнику «французской художественной прозы» тоже заимствован переводчицей у Наталиса де Вайи (с. 25, примеч. 14).

⁶ Статья эта к тому же полна погрешностей против истории и историографии, погрешностей, анализировать которые просто невозможно в краткой рецензии. Отметим

раньше: в старой Хрестоматии М. М. Стасюлевича в 1865 г. (с. 619—643) и в неоднократно цитируемой самой О. Смолицкой книге автора этих строк «История крестовых походов в документах и материалах» (М.: Высш. шк., 1977).

Перейдем к самому переводу хроники и комментариям (мы не касаемся песен труверов, поскольку критика переводов их произведений целиком входит в компетенцию литературоведов). Внешне перевод довольно «гладок», но при внимательном чтении текста бросаются в глаза «особенности», заставляющие усомниться в его доброкачественности.

Прежде всего переводчица явно злоупотребляет канцеляризмами, чуждыми стилю Жоффруа де Виллардуэна. «Сии», «кои» (во всех падежах!) и даже «кое» (для среднего рода), нисколько не приближая русский перевод к оригиналу, лишь нарочито архаизируют слог хрониста на манер слога приказных дьяков XVII в., не имеющего ничего общего со стилем «куртуазного» хрониста, каким его хотела бы видеть О. Смолицкая.

Другая «особенность» перевода — обилие языковых ляпсусов, в том числе недопустимых вольностей. У хрониста, к примеру, о венецианском доже говорится, что он был стар и «ни капли не видел» (*gote ne veoit*). Зачем же переводить упрощенно — «был слеп» или тем более «утратил зрение» (§ 173, 351)? Рассказывая о собственном возвращении из Венеции, Жоффруа де Виллардуэн пишет, что он застал своего сеньора графа Тибо «больным и удрученным» (*et trova son seigneur le conte de Tibaut malade et*

deshaitie) и что тот весьма обрадовался «его прибытию» (*fut mult liez de sa venue*). В русском же переводе читаем: «...нашел он своего сеньора Тибо в болезни и страдании (? — М. З.), а тот весьма обрадовался ему» (? — М. З.) (§ 35, с. 49), т. е. перевод явно отстывает от оригинала. Подчас такие отступления имеют характер аляповатой «модернизации» средневековых понятий. Хронист, к примеру, неоднократно сообщает о «посланцах», направляющихся для извещения о чем-либо, для запроса, для приглашения к переговорам и пр. О. Смолицкая везде превращает этих «посланцев» в современных «посланников» (§ 175, 182, 184 и мн. др.). Точно так же, скажем, *li avoez de Betune* (§ 376), т. е. «заступник» («защитник») соответствует немецкому «фогт» оборачивается у переводчицы «Бетюнским поверенным» (с. 157). Однажды Виллардуэн замечает о себе самом: «маршал Шампанский, который сочинил это произведение» (§ 174: *qui ceste ouvre traita*). О. Смолицкая «подтягивает» сказуемое, употребленное хронистом (*traita*) и имеющее у него вполне ясный смысл, к более, как ей, видимо, кажется, «понятному» для нынешнего читателя речевому обороту: «маршал Шампанский, сей труд написавший» (с. 90). Однако Виллардуэн не «написал», а именно «сочинил» или «составил» свою хронику, продиктовав затем текст писцу. Подобных случаев можно привести немало.

Непозволительно обращается переводчица с болгарскими, венгерскими, византийскими, итальянскими собствен-

нохя бы вскользь несколько ляпсусов. Чтобы представить Жоффруа де Виллардуэна «куртуазным» писателем, О. Смолицкая заставляет его рисовать некий «образ» щедро-го предводителя крестовосцев графа Тибо Шампанского, который, умирая, завещал якобы «огромную часть» своего состояния на дело крестового похода (с. 26). Это представление целиком результат надуманного прочтения текста § 36 хроники, где речь идет лишь о том, что граф разделил между крестоносцами деньги, которые сам он собирался взять с собой в поход (*et departit son avoir, que il devoit porter*). Об «огромном состоянии» в хронике вовсе не упоминается. И в самом деле, будь сумма, завещанная графом, «огромной», крестоносцы не стали бы должниками венецианской плутократии! Другой ляпсус: толкуя историографию событий 1202—1204 гг., созданную в XIX в., переводчица придумывает некую «теорию германской измены», бытовавшую, по ее словам, «в 60—70-х годах XIX в.» (с. 23). На самом деле была выдвинута «теория германской интриги», но никак не «измены», и выдвинул ее французский католический историк граф П. де Риан в 1875 г., а не в «60—70-х годах».

Любопытно в этой связи, что единственным автором, которого О. Смолицкая подвергает в своей статье «критике», оказывается советский исследователь (очевидно, с буржуазными все обстоит благополучно!). При этом его точка зрения почему-то извращается. О. Смолицкой «кажется неверным» подход этого ученого к хроникам, а именно: он будто бы считает, что «восточные и византийские хроники представляют собой вполне объективную (курсив наш. — М. З.) картину крестовых походов: искажения бы присутствуют лишь у *католически настроенных* (sic! — М. З.) латинских хронистов» (с. 24). Открыв книгу, концепции которой выносятся столь суровый приговор, читатель без труда обнаружит там на с. 34 совсем другую мысль — о том, что «восточные и византийские наблюдатели нередко проявляли *сравнительно большую* (курсив наш. — М. З.) объективность при характеристике захватнических предприятий крестоносного рыцарства; подчас они правдивее и точнее, нежели латинские хронисты, рисовали поведение западных грабителей и насильников на завоеванных землях» и т. д. Только элементарная невнимательность, мягко говоря, может породить кривотолкование текста, подобное данному О. Смолицкой. Кстати, здесь же она выражает «сожаление» по поводу того, что навязанное ученому ею самой положение — «легко в основу анализа историографических (? — М. З.) средневековых памятников и в его книге «Крестоносцы на Востоке» (М., 1977)». Сожалеть приходится об ином — о неряшливости «критика»: в 1977 г. такой книги никто не выпускал — упоминаемая работа выпала в свет только в 1980 г. Впрочем, к хронологическим сведениям автор статьи о куртуазной литературе вообще относится, как увидим, с пренебрежением.

ными именами: подчас они передаются в немыслимой форме и с грубыми ошибками! Болгарский царь Иван Калоян оказался «королем Валахии и Болгарии» по имени «Иван Калоян II Асен» (с. 274), хотя в действительности «Иван Асень II» — это другое лицо (он правил в 1218—1241 гг.); венгерский король Имре стал «Эмериком» (с. 270) (почему-то обоим — в указателе имен!); византийский магнат Лев Сгур предстает «Львом Сгурием» (с. 311); адмирал Михаил Стрифи, тоже пропущенный в указателе, — «Михаилом Стрифнусом» (с. 272); имя Феодора Враны прочтено как «Феодор Бранас» (с. 282), а ломбардский аббат Пьетро ди Лочедо сделался «Пьером де Лощедо» (с. 278) и т. п. Такие же несуразные трансформации претерпели по произволу О. Смолицкой многие географические названия («Дураццо» вместо византийского «Дипрахий» — с. 279; «Мотон» вместо «Модон» — с. 271; «Нигр» вместо «Нигропонт» — там же; и т. п.).

Наряду с языковыми в переводе встречается множество смысловых ошибок и неточностей. Если верить переводчице, то граф Фландрский послал соотечественникам, ранее него отбывшим в поход морем, «корабли, груженные сукном, провизией и иными вещами» (§ 48). К чему, спрашивается, крестоносцам нужно было «сукно»? Шить себе кафтаны во время морского плаванья? У хрониста речь идет не о «сукне», а об «одежде» (*de dras*)! Жоффруа де Виллардуэн рассуждает по поводу победы крестоносцев: «Тот, кому бог хочет помочь (*Qui Diex vielt aidier*), тому никто не может причинить зла» (*nuls hom ne li puet nuire*). О. Смолицкая переводит: «Кому Господь помогает, того ничто (? — *М. 3.*) не сокрушит» (§ 183). Или: автор записок «Завоевание Константинополя» (*Conquête de Constantinople*) (переводчица умудрилась переименовать и это название — «Взятие Константинополя») рассказывает, как воины, находившиеся на судах, тотчас «выскочили из них» (*saillent fors*), когда те приблизились к берегу, т. е. они, очевидно, поспешили высадиться. В переводе же крестоносцы (весьма спокойно) «сошли с кораблей» (§ 174, с. 90). В оригинале сказано при этом, что они выскочили «на сушу» (*a terre*) — из перевода это слово вовсе выпало. Мемуарист вспоминает, как греки, находившиеся в городе (Константинополе) (*et cil de dedenz*), увидев безнадежность своего положения, «побежали прочь оттуда и покинули стены» (*s'en fuirent, si guerissent les murs*). О. Смолицкая переводит: они «побежали со стен» (§ 175, с. 90) (как это можно «бежать со стен?»). Рассказывая о спорах, разгоревшихся среди предводителей похода в связи с избранием латинского императора, Жоффруа де Виллардуэн передает увещание «доблестных мужей войска» (*li preudome de l'ost*), которые указывали на опасность соперничества претендентов (Бодуэна Фландрского и Бонифация Монферратского) и ссылались при этом на исторический прецедент: ведь из-за споров «земля может оказаться потерянной» (*et ensi se*

puet perdre la terre) — именно таким образом во времена Первого крестового похода «чуть не была утрачена земля Иерусалимская, когда выбрали Годфруа Бульонского после того, как земля была завоевана» (*que altresí dut estre perdue cele de Jerusalem, quant il elistrent Godfrei de Bouillon, quant la terre fu conquise*) (§ 257). Видимо, не выкинув в существо аргументов хрониста, О. Смолицкая переводит его доводы так: «И можно так потерять всю землю, как некогда был потерян Иерусалим (курсив наш. — *М. 3.*), ибо, завоевав землю, выбрали Годфрида Бульонского» (с. 118). Ошибочность такого «переосмысления» текста состоит в том, что с избранием герцога Бульонского в 1100 г. Иерусалим вовсе не был потерян, и хронист это прекрасно знает: он предполагает лишь, что крестоносцы могли бы потерять город (*dut estre perduel*), и не более того. Об одном из отрядов рыцарей в хронике говорится, что бегством своим они навлекли на себя «великий позор» (*en recurent grant blasme*) в той стране, куда направлялись, и в той, откуда выехали (*en celui pais ou il alerent et en celui dont il partirent*). Перевод же гласит: «опозорили себя и там, откуда ушли, и там, куда отправились» (§ 379). Это и упрощение, и прямое искажение авторского текста! В связи с гибелью на Востоке 80 рыцарей, не присоединившихся в свое время к войску в Венеции, хронист морализирует: «Недаром говорится, что мудр тот, кто придерживается наилучшего» (*Et por ce si fait que sages qui se tient devers le mielz*). В переводе О. Смолицкой (с. 109) эта прозрачная по смыслу сентенция выглядит иначе: «Вот почему тот разумен, кто поступает благородно» (*sic! — М. 3.*). Спрашивается, при чем тут, с точки зрения Жоффруа де Виллардуэна, благородство? Речь идет просто о благоразумном выборе линии поведения! Правильным, полагает он, было бы всем явиться в Венецию, а те, кто избрал иной путь, поплатились жизнью.

Во многих случаях ляпсусы перевода создают совершенно превратное представление об исторических событиях, являющихся предметом изображения хрониста, и о его собственной позиции в отношении тех или иных фактов. Так, рассказывая о своей посреднической миссии во время распри императора Бодуэна с маркизом Бонифацием Монферратским (из-за Салоник), о своем приезде к маркизу, осаждавшему Адрианополь, для переговоров, Виллардуэн отмечает, что, «насколько радовались этому франки, настолько же недовольны были этим греки, ибо они хотели лучше войны и раздора» (§ 287) (*Et ausi lié cum li Franc en furent, en furent li Grieux dolent, qu'il volsissent mult volentier la guerre et la mellee*). В рецензируемом переводе ситуация оказывается прямо противоположной: «И сколь рады были французы, столь же рады (? — *М. 3.*) были и греки, ибо не хотелось им раздора и войны» (с. 128—129). Вся картина предстает в перевернутом виде!

Еще один совершенно непростительный промах переводчицы, вносящий заведо-

мую путаницу в историю взаимоотношений Болгарии и Византии в конце XII в., какими их рисует Виллардуэн. Судя по тексту, предлагаемому читателю, «Иоаннис» (т. е. Калоян), некогда якобы «восстал против *своего* (курсив наш. — М. З.) отца и дяди, и воевал с ними двадцать лет, и отнял у них землю, и стал богатым королем» (с. 100). Получается, таким образом, что в изображении Виллардуэна между болгарами происходила какая-то длительная война, в которой «Иоаннис» одолел своих отца и дядю, после чего и стал царем. Достаточно, однако, мало-мальски вчитаться в текст хроники, чтобы увидеть, что Виллардуэн говорит совсем о другом. Когда он сообщает: *Johanis. . . qui ere revelez contre son pere et contre son oncle* (§ 202), то имеет в виду не отца и дядю «Иоанниса», а отца и дядю водворенного крестоносцами на константинопольский престол в 1203 г. Алексея IV, о котором только что шла речь (в предыдущем параграфе — 201). Иными словами, Виллардуэн упоминает здесь о войнах «Иоанниса» против его, т. е. Алексея IV, отца и дяди — против Исаака II Ангела (1185—1195) и против узурпатора Алексея III (1195—1203), когда Болгария действительно завоевала независимость и образовалось Второе Болгарское царство. О. Смолицкая же, прочитав текст глазами филолога, в отрыве от исторической реальности «контекста», «забыв» о содержании § 201, прямо примыкающего к § 202, вносит в повествование поразительную неразбериху: вся предыстория завоевания Болгарией независимости от Византии ставится с ног на голову!

Число таких ляпсусов переходит границы допустимого.

Очень неблагоприятно в переводе с терминологией. Оказывается, у крестоносцев, да и у их противников имелись «осадные машины» (§ 358, 432 и др.): в начале XIII века то — «машины»! Корабли того типа, которые хронист именует «юиссье» (от *huis* — дверца), в переводе предстают почему-то в латинизированной форме — «виссарии» (с. 89 и др.). Совсем нелепо выглядит печать «на бумаге» — печать, которой царевич Алексей скрепил договор в Задаре в 1203 г. (§ 188); «на бумаге» же, если принимать версию О. Смолицкой, должно было быть оформлено подтверждение императором Исааком II обязательств, взятых его сыном (§ 189), и т. д. Да ведь бумага-то начала входить в употребление на Западе только со второй половины XIII в.⁷, а до этого времени даже частные письма, не говоря уже об официальных документах (актах), писали на пергаменте!

Нередка путаница и в обозначениях церковных праздников, которые у Виллардуэна, как и у всех хронистов того периода, служат хронологическими вехами. Приводимую, например, хронистом дату выступления крестоносцев для штурма Константинополя («в четверг, на

третьей неделе великого поста», следовательно, 8 апреля 1204 г. — *joesdi apres mi quaresme* (§ 236)), О. Смолицкая переводит «буквалистски» и потому неверно: «в четверг после середины поста» (с. 100). Какого поста? Ведь *quaresme* — это именно «великий пост», длительный, почти семинедельный, пост, предвещающий пасху. В данном случае мы имеем дело с весьма важной хронологической датой, позволяющей точно определить день провалившегося штурма, который крестоносцы предприняли 9 апреля. Вот еще одна искаженная дата: отъезд рыцарей Анри Фландрского из Константинополя для завоеваний в Малой Азии хронист приурочивает «a la feste Sain Martin arres», разумея, конечно, «ближайший» праздник св. Мартина («ближайший» после рассказываемых им событий, т. е. тот, который был в 1204 г.). Эту датировку переводчица тоже передает «буквалистски» и тоже искажая смысл текста Виллардуэна: «после дня Святого Мартина» (с. 136). Предлог «a», указывающий, что отъезд рыцарей состоялся как раз в день св. Мартина, т. е. 11 ноября 1204 г., полностью игнорируется!

Ожидавшееся крестоносцами прибытие болгарского царя «Иоанниса» к осаждаемому ими Адрианополю датировано Виллардуэном «средой» недели, которая шла за пасхой 1205 г., — 13 апреля: *al maiesresdi des foires de Pasques* (§ 355). В переводе же читаем: «они прождали до среды на *Великой* (курсив наш. — М. З.) неделе» (с. 150). Однако неделя, следующая за пасхой, именуется у христиан «светлой», а отнюдь не «великой», каковая, напротив, предшествует этому церковному празднику. Ее, кстати, хронист называет в более раннем параграфе (§ 353), говоря о пребывании крестоносцев в крепости Петас, где они «пробыли неделю двух дней» перед пасхой (*urent la semaine des II. Pasques*), т. е. с 3 по 9 апреля (пасха приходилась на 10 апреля).

Подчас налицо произвольные переделки новозаветных цитат, в скрытом виде присутствующих в тексте. Переводчица ими просто пренебрегает, что совершенно не приличествует переводу средневекового памятника. Ограничимся хотя бы одним примером. «Ибо алчность есть корень всех бед» (с. 116) — гласит текст § 253 (*que convoitise, qui est racine de toz malz*). Переводчица вовсе не принимает во внимание, что эта сентенция — парафраз новозаветного «ибо корень всех зол есть сребролюбие» (Тимоф., гл. 6, ст. 10). «Зло» и «беды» — это все же разные понятия!

Можно было бы собрать добрую коллекцию аналогичных промахов, из-за которых читатель зачастую получает превратное представление и об исторической действительности, описываемой в хронике, и о самом содержании последней.

В еще большей степени сказанное относится к составленному той же О. Смолицкой абсолютно некорректному, с точ-

⁷ См.: Ястребицкая А. Л. Западная Европа XI—XIII веков. М., 1978. С. 29.

ки зрения историка, комментарий. Комментатор зачастую совсем не считается с хронологией, даже самой элементарной: правление Филиппа II он начинает с 1183 г., а не с 1180 г. (с. 255); христианский праздник Всех святых датирует то 1 ноября, что верно (с. 279), то 1 сентября, что неверно (с. 283); вместо 2 июня 1202 г. (Троица) на с. 267 указывается 2 июля 1202 г. и пр. Общеизвестные факты преподносятся порой в до крайности искаженном виде. «Белыми аббатами», полагает О. Смолицкая, «назывались священники, не принявшие монашеского обета» (с. 266), — но священники и не обязаны были принимать такие обеты! Орден иоаннитов, оказывается, был основан в Иерусалиме в 1070 г. крестоносцами (с. 274). Однако ведь крестовые походы-то, о чем О. Смолицкая могла бы прочитать и в школьном учебнике, начались только через четверть века после этой «даты»! (На самом деле иерусалимский госпиталь св. Иоанна учредили около 1070 г. торговые люди из итальянского города Амальфи.)

Для уничтожения вражеских кораблей «византийцы часто применяли... бенгальский огонь» (с. 275), но в комментируемом тексте хронистом описывается совсем иной способ, примененный греками, и «бенгальский огонь» тут вовсе ни при чем (да и вообще-то говоря, речь должна была бы идти, конечно, о «греческом огне», а не о каком-то «бенгальском огне»). Если верить О. Смолицкой, то в 1186 г. «Валахия и Болгария откололись от Византии» (с. 274): в действительности независимость обрела именно Болгария — возникло Второе Болгарское царство, государства же под названием «Валахия» вообще не существовало. Видимо, только у Дюканжа комментатор сумела вычитать, что «комманы», т. е. куманы, иначе — половцы, — это «одно из скифских племен» (с. 280). Достаточно было взглянуть в историческую энциклопедию, чтобы узнать, что куманы, или половцы, — тюркские племена и к скифам, исчезнувшим еще во время великого переселения народов как этническая общ-

ность, не имеют отношения. Комментатор, далее, поясняет читателю, что дата турнира в Экри, где приняли обет крестового похода графы Шампани и Блуа, — 28 ноября 1199 г. (с. 256). Как раз тогда, по сведениям хрониста, было «начало адвента». Не задумываясь над поразительными несоответствиями, О. Смолицкая уверяет, будто «адвентом называется рождественский пост у католиков» (там же). Однако Рождество ведь отмечается 25 декабря, каким же образом «начало рождественского поста» пришлось на 28 ноября? Немудрено, что подобные пояснения в состоянии разве что запутать читателя! Нетрудно было между тем справиться, что адвент — это время литургических приготовлений к рождественским праздникам и что он начинается за четыре недели до 25 декабря: и дата 28 ноября, и «рождественский пост», составляющий часть подготовки к Рождеству, в таком случае ставятся «на место».

Каково читателю в довершение сказанного узнавать, что «венецианцы брали на себя расходы по питанию людей и лошадей»! (с. 264) (куда смотрел издательский редактор: «питать лошадей!»)? Или что Танкред был «сицилианским королем» (с. 265) (во всех учебниках — «сицилийский!»)? Или что «мегадука» — это «мегадук» (с. 272)?

Число подобных нелепостей, вводящих в заблуждение, легко увеличить, притом многократно.

Вывод из всего сказанного один. Предпринятое издание — в части, содержащей перевод хроники Жоффруа де Виллардуэна и тексты, либо предваряющие его, либо так или иначе к нему относящиеся, — пример по меньшей мере легкомысленного подхода к столь ответственному делу. Во всем — от устарелых псевдоисторических взглядов, которые получили отражение в статьях ответственного редактора и переводчицы, до комментария — проявляется очевидная некомпетентность тех, кто подготовил рецензируемую книгу.

М. А. Заборов

ЗАРУБЕЖНАЯ ПРОКОПИАНА 80-х ГОДОВ

В мире выходит все больше литературы, посвященной Прокопию Кесарийскому. Помимо трех переводов «Тайной истории» (третьего издания немецкого перевода: *Prokop. Anekdotia. Griechisch-Deutsch*/Ed. O. Veh. München; Artemis. 1981. 337 S.; болгарского: *Прокопий*. Тайната история / Пер. И. Генов. София: Народна култура, 1983. 127 с.; венгерского: *Prokopios. Titkos történet. Historia Arcana / Übers., Komm. von I. Kapitány. Bp., 1984. 218 S.*), за последнее пятилетие увидело свет не менее 30 специальных статей. Мы остановимся лишь на некоторых из них, объединив эти работы в несколько групп.

В большинстве работ та или иная тема,

связанная с Прокопием, исследуется на материале соответствующих выдержек из его сочинений: так, традиционный сюжет — религиозные убеждения историка — рассмотрен в статье *Veh O. Prokops Verhältnis zum Christentum // Überlieferungsgeschichtliche Untersuchungen. B., 1981. S. 579—591*. По мнению автора, Прокопия нельзя считать ни замаскированным язычником, ни ревностным христианином; он прагматик, и главное для него — политические интересы империи, а не философские и теологические вопросы. О. Фей, таким образом, несколько упростил ту картину сложных наплывов в мировоззрении историка, которую сам нарисовал в своей монографии¹.

¹ *Veh O. Zur Geschichtsschreibung und Weltauffassung des Prokop von Caesarea. Bayreuth, 1951—1952. Vol. II. S. 16—30.*